
УДК: 821.111:39(470) + 821.111:94(470)

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ МАЛКОЛЬМ МАГТЕРИДЖ И ЕГО РОМАН
«ЗИМА В МОСКВЕ».

DOI: 10.31249/lit/2021.02.16

Аннотация. В статье речь идет о романе британского писателя Малкольма Маггериджа «Зима в Москве» (1934), где изображена трагедия российского крестьянства в 1930-е годы, «черная комедия» – условия, в которых работали в Москве западные журналисты, а также «драма» западных «левых», поверивших в «советский миф». Маггеридж разоблачил миф о «великом советском эксперименте» как воплощении утопии в жизнь, которым тогда был очарован весь мир.

Ключевые слова: английская литература; советская цивилизация; трагедия; гротеск.

KRASAVCHENKO T.N. Malcolm Muggeridge and his novel «Winter in Moscow».

Abstract. This is an article of «Winter in Moscow» (1934), a novel by a British writer Malcolm Muggeridge in which he portrayed the tragedy of the Russian peasantry in the 1930s, a «black comedy» of life and work of foreign journalists in Moscow, as well as the drama of Western «left», who believed in the «Soviet myth». Muggeridge exposed the myth of a «great Soviet experiment» as an embodiment of utopia, while the whole world was fascinated by this myth.

Keywords: English literature; Soviet civilization; tragedy; grotesque.

¹ **Красавченко Татьяна Николаевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Малкольм Маггеридж и его роман «Зима в Москве» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 188–202. DOI: 10.31249/lit/2021.02.16

Малкольм Маггеридж (1903–1990) широко известен на Западе в разных амплуа: как журналист, писатель, литературовед, культуролог, автор двухтомных мемуаров «Хроники загубленного времени» (1972, 1973) и дневников (1981), редактор юмористического журнала «Панч» (1953–1957), в 1960-е годы ректор Эдинбургского университета. В молодости он был социалистом, агностиком, в зрелые годы «эпатировал» британцев критикой монархии, с конца 1960-х годов он – активный христианин, прославившийся бестселлерами об Иисусе Христе (1969, 1976), с 1982 г. перешел в католическую веру – на него оказала влияние Святая Тереза Калькуттская, о которой он написал книгу (1971). Ныне существует «Общество Малкольма Маггериджа» (его центр в Британии), которое публикует сочинения писателя в сборниках, издаваемых в евангелическом гуманитарном Уитоновском колледже (Wheaton College) в штате Иллинойс.

Крайне значительный эпизод в жизни Маггериджа – его пребывание в СССР в 1932–1933 гг., когда он стал «свидетелем истории». В 1934 г. он издал уникальный, не утративший актуальность и ныне роман «Зима в Москве». Маггеридж был другом Джорджа Оруэлла, и тот, конечно, знал роман, во многом предва-ривший его антиутопию «1984» (1949), хотя по жанру это разные произведения.

С сентября 1932 г. Маггеридж в течение восьми месяцев работал московским корреспондентом британской газеты «Манчестер гардиан». Социалистическими идеями он увлекался с юности (его отец был одним из основателей Фабианского общества и членом британского парламента от Лейбористской партии в 1929–1931 гг.), работу в «Гардиан» ему помог получить писатель, журналист леворадикальных взглядов Артур Рэнсом. С женой – писательницей Китти Доббс (племянницей британской социалистки Беатрис Вебб) – он намеревался навсегда поселиться в «небуржуазном» СССР, но уже вскоре после приезда – 22 сентября – запи-

сал в дневнике: «В стране царит жесточайшая из виденных мною диктатур, и понять, в какой мере народ поддерживает грандиозный Пятилетний план, невозможно, жертвы ужасны, особенно среди самого бедного населения (крестьян)» [цит. по: 3, р. 19].

К началу 1933 г. Маггеридж уже намеревался уехать из России, но перед отъездом хотел увидеть, что происходит в деревне. В середине февраля 1933 г. он не без труда получил разрешение одного из заместителей наркома СССР по иностранным делам побывать в Ростове и его окрестностях [2, р. 64, 66]. И в результате написал три статьи о голоде в СССР – «Заметки наблюдателя», которые переслал в «Манчестер гардиан» дипломатической почтой и таким образом избежал советской цензуры, которая их не пропустила бы. Статьи были опубликованы в газете 25, 27, 28 марта 1933 г.

То, что Маггеридж увидел в районе Ростова, походило на кошмарный сон: покинутые деревни, заросшие чертополохом поля, голодные запуганные люди, везде военные и мужчины с каменными лицами и в кожанках. Он наблюдал и описал не голод, ставший следствием природной катастрофы – засухи или наводнения, а голод искусственный, вызванный насильственной коллективизацией. Успех смертоносной атаки на деревню обеспечивали военные части и милиция. В самых плодородных районах России шла, по словам Маггериджа, настоящая война. На одной из станций он видел, как ранним серым утром крестьян со связанными за спиной руками загоняли под дулами винтовок в товарные вагоны; все происходило в тишине и напоминало жуткий inferнальный балет. Статьи Маггериджа жестко отредактировали (газета была леволиберальной) и без указания автора разместили на внутренних страницах – как второстепенные; в том же номере были опубликованы описания нацистских злодеяний против евреев в Германии, «приглушавшие» картины советского голода [5, р. 282–286].

В 1934 г. в Лондоне вышел роман Маггериджа «Зима в Москве» – это не был традиционный роман с четким сюжетом и непременной любовной интригой. В предисловии автор пишет о том, что ему «пришлось быть немного и романистом, и репортером. Таким образом, эпизоды в моей книге – это правда, выражен-

ная художественно, а персонажи – реальные люди, представленные художественно» [4, р. VI]. Иначе говоря, перед нами роман на документальной и автобиографической основе, построенный как серия эпизодов, повествующих о разных персонажах в их взаимоотношениях с властью в Советской России, именуемой «Диктатурой Пролетариата».

Вероятно, самое поразительное в романе – изображение трагедии русского крестьянства. Маггеридж писал о том, что «классовая война нависла над Северным Кавказом и его населением как тяжелое облако; <...> убивая скот и лошадей, распространяя голод и беду повсюду. Под руководством ОГПУ Красная Армия прочесывала страну. Сотни тысяч крестьян были высланы и тысячи расстреляны. Все съедобное, кроме небольшого количества пшена и картошки, было реквизировано правительством. Картофелины пересчитывались поштучно, как драгоценности» [4, р. 53]. В романе повторяются от лица автора суждения, высказанные и в газетных статьях Маггериджа: «Голод в России отличался от любого другого голода, потому что его организовали изнутри. Внешних причин – плохой погоды или блокады – не было. <...> Люди понимали, что это следствие внутренней коррупции. Она казалась им органично свойственной большевизму и плодом Диктатуры Пролетариата. От этого их отчаяние становилось еще более безнадежным» [4, р. 138]. Позднее в книге «Хроники загубленного времени» (1972) Маггеридж охарактеризовал сталинскую коллективизацию как доведенную до маразма абстрактную идею, поселившуюся в «узких и пустых» мозгах, не имеющих представления о гуманизме [5].

Один из центральных эпизодов романа – история конфискации отрядом солдат во главе с офицером ОГПУ Бабелем последнего мешка зерна у крестьянки с тремя детьми и стариком-отцом (ее мужа уже забрали неведомо куда как кулака). После конфискации женщина, задумавшись, в прострации вспоминает свои прегрешения: 15 лет назад, когда сжигали дом помещика, она радовалась, что теперь у нее навечно есть своя земля, а муж привез домой тачку с серебряной вазой, плюшевой занавеской, шинелью, награбленными им перед поджогом помещичьей усадьбы. Вспомнила она и Гражданскую войну, когда ей было все равно, кто победит,

пока у нее была своя земля [4, с. 56–57]. «Теперь же <...> она чувствовала, что ее жизнь вырвана с корнем и лишена смысла. Она ненавидела Диктатуру Пролетариата, ощущая в ней силу, стремившуюся уничтожить ее. <...> И была беспомощной перед ней, <...> а дети умирали от голода» [4, р. 57]. Тремя ударами топора она убила своих детей, одного за другим – да так искусно, что ни один из них даже не проснулся, разложила их тела по мешкам и отнесла на чердак, потом пошла в город, пробилась к Бабелю и уговорила его немедленно пойти к ней – забрать еще три мешка зерна. Тут Маггеридж передает самоощущение власти в стране: сотрудника ОГПУ сопровождали три солдата, но «он чувствовал себя одиноким, окруженным врагами» и охваченным «не поддающейся разуму паникой. Его фанатизм и чувство долга были сильны не настолько, чтобы он не сознавал свою роль разрушителя. <...> Как они ненавидят меня! – думал он; и ему казалось, что эта ненависть, как туман поднималась над деревнями, в которых он побывал; она ослепляла и душила его» [4, р. 59–60]. Придя домой, крестьянка отвела его на чердак и зарубила топором. Дело дошло до Москвы – убит офицер ОГПУ. Крестьянку расстреляли. «Жизнь ее была растоптана Диктатурой Пролетариата и забыта» [4, р. 70].

По контрасту Маггеридж ввел эпизод о подручном Сталина – Кокошкине, в прошлом сапожнике в Киеве (его прототипом, судя по всему, послужил Л.М. Каганович), который, лежа в ванне в высокой позолоченной комнате (когда-то ванная комната царя), размышляет о гибели Бабеля: «Враги работают везде; тайные подпольные враги, разъедающие Диктатуру Пролетариата; враги в партии, даже в политбюро» [4, р. 63]. Здесь Маггеридж уже в 1933–1934 гг. обыгрывает характерную для сталинского режима идею «врагов народа».

Другой важный «эпизод» романа – линия автобиографического персонажа – Рейзби, которому в Лондоне «идея Диктатуры Пролетариата» представлялась «заманчивой», полной смысла, и он даже намеревался остаться жить в СССР [4, р. 207], но в Москве «ему стало ясно различие между идеями и реальностью. Он понял, что любая идея – упрощение. Реальность струилась в его сознание как свет, обнажая мусор идей. И худшим в реальности было уми-

рание от голода. В нем воплощалось предельное страдание. А один русский сказал Рейзби: “Пошел на днях посмотреть ‘Дядю Ваню’ <...> и не понял, что их всех беспокоит, раз у них полно еды”» [4, р. 232]. За пределами Москвы Рейзби наблюдал, как «крестьяне просили хлеб. Они вставали на колени, плакали и умоляли. <...> Идеи приходят и уходят; но это было больше, чем идея. Это крестьяне на коленях стояли на снегу и просили хлеба» [4, р. 244–245].

Маггеридж назвал «Диктатуру Пролетариата наступлением на саму жизнь» [4, р. 245], а марксизм «наиболее урбанистической из когда-либо существовавших религий. <...> Ее пророки бродили из одной европейской столицы в другую и мечты их, как и они сами, были лишены корней. Реальностью для них была борьба с землей, с естественной жизнью вещей и людей, с самой жизнью... это раскрывает их подлинный характер, их реальный ужас» [4, р. 138–139]. Рейзби возненавидел Диктатуру Пролетариата, и не только из-за голода и жизни людей «в негигиеничном соседстве друг с другом», «скучно и несчастливо», «в гуле монотонной, фальшивой пропаганды», тогда как «хозяевами были дураки с манией величия, терроризировавшие остальных до состояния идиотизма», а еще и потому, что «в самой ее сути есть нечто абсурдное, тривиальное и варварское». Он понял, что презирает «бедную маленькую испуганную душу Диктатуры Пролетариата» [4, р. 234] – тут не без иронии возникает понятие из лексикона русской классической литературы – «душа».

Приехав в Москву, Рейзби, как и любой поклонник СССР, прежде всего посетил мавзолей, думая, что найдет в нем подлинную Россию. Голова вождя «внутри стеклянного футляра» выглядела «свежей и живой, как гриб, растущий в темноте, <...> мягкий и ядовитый. <...> Из всех символов, когда-либо созданных, чтобы пугать и вдохновлять, этот маленький забальзамированный человек показался Рейзби самым отвратительным. Даже забальзамированные тела фараонов были запрятаны и смотреть на них считалось преступлением. <...> Живой Ленин был на самом деле мертвым Лениным, забальзамированным, причесанным и наманикюрным» [4, р. 227–228]. И Рейзби стал искать «подлинную

Россию», а заодно жилье себе и в процессе поисков видел квартиры коммунистических чиновников и работников ОГПУ – «оазисы роскоши, как его отель» [4, р. 231], видел бедность и страдание простых людей.

Наконец, он нашел себе пристанище в предместье Москвы – в деревянном доме, стоявшем в заброшенном парке. Там, на природе, он думал о том, что мы «все переживем Диктатуру Пролетариата. Даже если умрем, мы переживем ее» [4, р. 240], ибо подлинная Россия, «несмотря ни на что, недосягаема» для большевиков, террора и голода [4, р. 241]. Убежище от Диктатуры Пролетариата он находил и в церкви: молитвы священников, пламя свечей, освещавшее тьму, спокойствие прихожан казались ему «исполненными надежды <...>, ведь даже самые общие идеи в конце концов исчерпывают себя и становятся ничем» [4, р. 246]. Перед отъездом из СССР Рейзби зашел попрощаться к Блайту – англичанину, который с женой и тремя детьми жил в Москве и работал на фабрике. Вернуться на родину он не мог: он принял российское гражданство, да и денег на дорогу не было. У него вызвала «гнев ложь, которая привела его сюда», особенно статьи Бернарда Шоу. «Я бы хотел, – сказал он Рейзби, – чтобы он поселился здесь, поменял свои деньги на рубли и принял советское гражданство. <...> Жуткое непонимание. Страшное предательство, <...> нелепый, тщеславный, богатый старик, который позволил, чтобы его одурачили, <...> и заманил нас сюда умирать с голода. Я жажду, чтобы нечто подобное случилось в Англии, хотя бы ради того, чтобы он и ему подобные страдали так же, как страдают здесь» [4, р. 250]. Рейзби в свою очередь объяснил ему: то, что произошло в России, было «предательством, обманом с самого начала», а рабочие и крестьяне просто служили «фасадом. И так все время» [4, р. 250–251]. Сам Маггеридж сложнее оценивал феномен революции: в предисловии к роману он пишет, что довольно быстро понял: «русская революция – это одно» и «в настоящий момент – неразрешимая историческая проблема», а «советский режим – это другое» [4, р. V]. Диктатура Пролетариата создала, по его словам, «механизм разрушения», используемый против толпы и представляющий собой «непрерывную марионеточную револю-

цию. У нее свой реквизит, своя формула и личный состав; сценическая армия, злодей и герой – все они служат искусственному увековечиванию обстоятельств, в которых может существовать только Диктатура Пролетариата» [4, р. 106]. Большевизм представлен в романе как феномен, для которого органично разрушение и ненависть, но, как предвидит Маггеридж, «никакое общество, в том числе и советское, не может ненавидеть бесконечно – наступает предел» [4, р. 105].

Еще один важный «эпизод» романа – сатирическое описание жизни западных журналистов в СССР. Большинство из них воспринимали как святое паломничество свое пребывание в стране. Они обитали в изоляции от ее жителей, получали информацию в основном из советских газет и работали под постоянной угрозой утраты виз (а значит – работы), что во многом зависело от К.А. Уманского (в романе Успенский), зав. Отделом печати и информации НКВД, курировавшего деятельность иностранных журналистов в СССР. В случае передачи новостей, неприятных для Диктатуры Пролетариата, журналисты подвергались преследованиям, варьирующимся от замечаний чиновников НКВД до тюремного заключения и высылки друзей или родственников, «если таковые у них имелись и к несчастью являлись советскими гражданами» [4, р. IX]. Это была вполне обычная советская практика давления на журналистов, чьи корреспонденции проверяли цензоры-полиглоты [1, р. 196].

Таким образом, по словам Маггериджа, пресса правых, лишенная правдивой информации, критиковала диктатуру пролетариата абсурдно, нелепо, утрируя и вымышляя, а пресса левых в Англии систематически получала неверную информацию о России [4, р. X], и в результате возник миф о благоденствии в СССР. Этому способствовали и журналисты. Так, американский журналист по фамилии Тупоумный (Thicknesse) однажды написал, что в советских трудовых лагерях на лесоповале нет принудительного труда. И весь мир повторял: «Тупоумный говорит, что в советских концлагерях на лесоповале нет принудительного труда» и испытывал облегчение [4, р. 171]. Но больше всех постарался влиятельный глава московского бюро «Нью-Йорк таймс», работавший в

Москве в 1922–1936 гг., Уолтер Дюранти, получивший в 1932 г. престижную Пулитцеровскую премию за лживые репортажи из Москвы в 1931 г. В романе он выведен как американский журналист Джефферсон, который на вопрос коллеги о голоде в СССР ускользающе, завирально и цинично, как это было свойственно Дюранти, отвечает: «Конечно, в некоторых районах нехватка продовольствия. < ... > Никто не отрицает. В очень редких случаях можно даже назвать это голодом. Но невозможно сделать омлет, не разбив яиц» [4, р. 90]. Джефферсон (как и Дюранти) присоединился к тем, кто был у руля Диктатуры Власти. Если кто-либо из них был устранен и исчезал, он искусно отстранялся от опального. Так, пока Бухарин был в фаворе, Джефферсон превозносил его как одного из величайших интеллектуалов, а потом тот сразу стал «оппортунистом-надувателем» [4, р. 181].

В духе «черного юмора» и литературы абсурда представлена история американского журналиста Кули. Он рыщет по Москве в поисках сенсаций: о любви комиссара и балерины, о самоубийстве, насилии, прелюбодеянии, убийстве, о любом извращении, — но наблюдает только бедность, отчаяние и смерть. В советских газетах, которые читает ему секретарша, нет ничего примечательного, кроме жутковатой статьи в «Известиях» об использовании человеческих волос для изготовления валенок. И Кули задумывается: а не сделать ли валенки из волос Сталина — в Нью-Йорке их можно было бы дорого продать [4, р. 160–162]. Поиски сенсации приводят его в Кремль, где в темноте он видит фары направляющегося к выезду автомобиля — занавески задернуты. Кто в машине, куда она едет? — мелькает у него в голове, он делает шаг вперед, чтобы лучше разглядеть авто — фары освещают его, он чувствует восторг — ему кажется, что он наконец нашел сенсацию! И машина сбивает его насмерть [4, р. 165].

Считается, что прототипом английского журналиста Уилфреда Пая в романе послужил британский журналист Гарет Джонс, который одновременно с Маггериджем и даже раньше сообщил мировому сообществу о голоде в СССР. Он назван в романе «неподкупным журналистом, заступником слабых и угнетенных, путешествующим по стране в третьем классе ради общения с

людьми» [4, р. 128, 139], но в целом он не похож на Джонса, для которого большевизм отнюдь не был «идеалом», как для Пая [4, р. 128]. Если Маггеридж как-то соотносил Пая с Г. Джонсом, то это означает, что он не понял или не захотел понять смысл и значение деятельности смелого, проницательного, талантливого журналиста, которого получившие международную известность репортажи о ситуации в СССР в конце концов привели к гибели. Возможно, будучи человеком амбициозным, Маггеридж видел в Гарете Джонсе «конкурента», во всяком случае в 1972 г. в «Хрониках загубленного времени» он написал, что был единственным журналистом, побывавшим в голодающих регионах СССР без официального сопровождения, о Джонсе он «забыл».

К заслугам Маггериджа относится сатирическое описание в романе особого, «сытого» образа жизни в СССР иностранных журналистов, их жен, дипломатов и многочисленных, увлеченных «левой идеей» иностранцев, посещавших Россию. Они коротали время в интуристовских валютных ресторанах и барах, покупали продукты в торгсине, «играли в бильярд и предавались мечтам, тогда как вокруг плясали террор и смерть» [4, р. 190]. Это был странный «маленький мир, существующий в другом мире» [4, р. 195].

Важна в романе критика, по выражению писателя, «слабых зарубежных поклонников» Диктатуры Пролетариата, которые сделали для укрепления престижа советского режима больше, «чем все оплаченные агитаторы и субсидированные издания» [4, р. VII]. Один из них – лорд Эддертон, верящий любой чуши, которую ему говорят переводчики. На его вопрос: «Почему люди вынуждены стоять в очередях за хлебом?.. я сам видел», – переводчик отвечает: мол, правительство могло бы устранить очереди, но пока не хочет, поскольку «рабочие относятся к пятилетнему плану с таким энтузиазмом и так стремятся ликвидировать неграмотность, что, если бы не стояние в очередях, они бы вообще никогда не отдыхали». И Эддертон комментирует: «Ну, хоть бы скамейки поставили» [4, с. 28]. Вернувшись на родину, он создал общество «Мы видели советское братство» [4, р. 117] из британцев, посетивших СССР, а в палате лордов произнес речь о Днепрострое,

самой большой гидроэлектростанции в мире, о новых промышленных городах в Сибири, об огромных колхозах [4, р. 119].

Роман начинается с описания визита на Красную площадь еще одного поклонника «Диктатуры Пролетариата» – муниципального советника в лондонском районе Бау. Его зовут Билл, и он приехал в Россию, чтобы передать (как он объяснял везде, где мог) братские приветствия от трудящихся Англии победившему пролетариату СССР. Оказавшись на Красной площади, Билл, шепчущий слово «революция», счастлив – он в сердце первого пролетарского государства в мире. Но мрачные, бледные, усталые прохожие явно не разделяли его восторг [4, р. 18]. Видимо, на Маггериджа мавзолее произвел «неизгладимое» впечатление – в романе дважды дается карикатурное его изображение. Так, по словам Билла (перекликающимся с впечатлениями Рейзби): «В стеклянном футляре лежал маленький человек; розовая голова покоилась на красной подушке; борода аккуратно подстрижена; маленькие руки сжаты; ногти изящно наманикюрены; материалистическая концепция истории. Биллу понравилась эта розовая, забальзамированная в вакууме и ставшая бессмертной голова» [4, р. 19].

Биллу, как он заявил газете «Московская трибуна», в Москве нравится все, кроме состояния уборных, дающего «повод для лжи трусливым клеветникам из капиталистической прессы, – оно оставляет желать лучшего» [ibid]. От редакции добавлено примечание: жалоба будет передана в комиссариат гигиены. На приеме по случаю пятнадцатой годовщины Октябрьской революции, который организовал ВОКС – Общество по культурным связям с заграницей, Биллу было очень весело: играл оркестр, столы ломились от еды, икры и напитков, и ему хотелось, чтобы люди, которые за границей говорят о голоде в России, могли это увидеть [4, р. 20]. Грустная нота присутствует в сцене появления на банкете Горького, поддерживаемого с обеих сторон мощными членами московской ветви ВОКС: «древний морской лев издавал невнятные звуки... он неуверенно раскланивался в ответ на овации» [4, р. 26].

В Оперном театре на торжественном заседании Билл увидел на сцене Сталина. Он сидел за длинным столом. Далее следует его

портрет, конечно, не «от Билла», а «от Маггериджа»: «мрачный, не интеллигентный, излучающий энергию. <...> Он смог стать и оставаться воплощением Диктатуры Пролетариата, потому что абсолютно ненавидел и презирал пролетариат. Продукт иезуитской семинарии; доморощенный Наполеон, занятый домашними распрями; Наполеон классовой борьбы; Наполеон-погромщик, единственную цель революции он видел в том, чтобы сделать кого-то, а именно себя, царем. Остальные представители Диктатуры Пролетариата были бледными тенями, посредственностями, льстецами» [4, р. 44–45]. Заметим, что в повести «Скотный двор» (1945) Оруэлл назвал борова, захватившего власть на Скотном дворе, Наполеоном.

А далее следуют впечатления Билла: Молотов произнес малопонятную, насыщенную цифрами речь о достижениях пятилетнего плана, потом выступил старый большевик, каявшийся в поддержке оппозиции и обвинявший заслуженно расстрелянных соратников по партии: «Он несколько раскачивался взад и вперед, как будто был немного пьян. <...> Кто-то прокричал: “Лицемер! Неискренний!” И это подхватили другие. “Возможно, я неискренен, – сказал он изменившимся голосом – спокойно и проникновенно. – Но нелегко произносить с энтузиазмом подобную речь”». И тут, пишет Маггеридж, наступило молчание: в ситуации, казавшейся нереальной, фантомной, человек «произнес слова, которые действительно имел в виду. <...> И вдруг все встало на свои места. Атлеты, солдаты и моряки оказались раскрашенными клоунами, Диктатура Пролетариата – тщеславными стариками, собравшимися вокруг маньяка. <...> Огромный бюст Ленина выглядел громоздко и гротескно. <...> Сидящие в зале вдруг вспомнили Россию, какой она была. Как долго, – спросили они себя, – это продлится? – и испугались. Сталин нахмурился; а большевик вернулся к микрофону и стал изливать в него свое раскаяние с еще большим рвением, чем прежде» [4, р. 46–47].

Маггериджу удалось передать особую атмосферу произвола, шантажа, страха и абсурда в стране. Характерен один из эпизодов: профессора Чуникина из Московского ветеринарного института обвинили на Лубянке в том, что он, будучи членом контрреволю-

ционной организации, распространял по стране – в Киеве, Ростове, Харькове – ядовитую сыворотку, чтобы вызвать мор лошадей и сорвать работу колхозов. Чуников опроверг этот бред, но, опасаясь за судьбу дочери, все-таки признался, что заговор был, и из него «вытянули» список «участников» [4, р. 74–75]. На суде прокурор обвинил его в саботаже, который якобы царит снизу доверху – на фабриках, в колхозах, среди чиновников, публика кричит: «Смерть!» И вдруг Чуников встал и спокойно сказал: «Отказываюсь от своего признания. Я невиновен». Но следующий свидетель – его дочь – свидетельствовала против него, и он вновь признал, что виновен [4, р. 78–79].

Не обошел вниманием Маггеридж и встречу в Москве с бывшим кронштадтским моряком, который потом служил в Красной армии и во время антибольшевистского Кронштадтского восстания в марте 1921 г. получил приказ стрелять в своих бывших товарищей, требовавших свободных выборов на основе тайного голосования, свободы слова и прессы, права создавать профсоюзы, свободы политических заключенных, уравнивания продуктовых пайков. Своим собеседникам он признался, что «это был единственное поле боя», с которого он бежал [4, р. 82].

Маггеридж внес в свое повествование метафизический элемент, мотив злой сказки. Он описал, как «монстры» (так он именуется сотрудников ОГПУ) пришли домой к учительнице – невзрачной старой деве, живущей в крохотной комнате с иконой, «Сагой о Форсайтах» и никого не трогающей. Ученики донесли, что она слишком романтична. Но «чудовища <...> оставили ее в покое: она была слишком похожа на них – не съедобна. Тоже принадлежала тьме. И тоже жила среди сухих фантомов, общих идей. Она была их сестра, и они пощадили ее» [4, р. 86].

Маггеридж включил в роман и неожиданный эпизод о клерке из Госбанка – Иванове; как и у многих советских граждан, его документы «были потеряны или уничтожены». Как многие, он жил на окраине Москвы, выстаивал в очередях, ходил на работу, прошлого не помнил, и никто не знал, откуда он, кто его родители [4, р. 199–200]. Но однажды он получил приглашение на чай в японское посольство, а в Советском Союзе общение с иностранцами,

тем более с иностранным посольством, было чревато большими неприятностями. Он пошел в НКВД и пробился к чиновнику, чтобы узнать, как поступить. Тот посоветовал принять приглашение – ведь все равно он под контролем: любую утечку информации из госфинансов легко установить. В посольстве выяснилось, что «Золушка – это принцесса»: клерк оказался сыном японского императора, принцем, которого давно и долго искали. Его мать – русскую танцовщицу – любил император; когда он умер, она увезла сына в Россию: хотела, чтоб он воспитывался там; во время революции ее куда-то выслали, и она умерла. На следующий день посол посетил НКВД и, вернувшись, послал Иванову записку, что его паспорт готов – в тот же вечер Иванов вылетел в Токио [4, р. 203]. Зачем Маггериджу был нужен этот малореальный и в то же время вполне вероятный эпизод? Возможно, чтобы показать, что даже серая, контролируемая советская действительность полна неожиданностей, а Россия несмотря ни на что – страна, где возможно что угодно – мотив вообще характерный для британской прозы о России.

По прочтении романа возникает невольный вопрос: как Маггеридж, который приехал в Москву «правоверным социалистом», так быстро прозрел? Тут возможно несколько объяснений. Во-первых, он исповедовал не марксизм; скорее всего, ему была близка английская версия социализма (Уильям Моррис и др.), во-вторых, он не был склонен к самообману и верил своим глазам, а то, что он увидел в городе и особенно в советской деревне, было ужасно. И, наконец, как большинство британских интеллектуалов, он воспринимал Россию сквозь призму русской классической литературы. В книге «Третий Завет» (*Third Testament*, 1976) среди семи духовных мыслителей, которые в течение всей жизни оказывали на него влияние, Маггеридж назвал Льва Толстого и Достоевского – их присутствие «за кадром» ощутимо в романе «Зима в Москве» и, несомненно, сказалось в поисках его автобиографическим героем Рейзби «подлинной России» в СССР и рассуждениях об убогой «душе» Диктатуры Пролетариата. В целом же роман Маггериджа, чутко реагировавшего на абсурд, нелепость, фальшь в советском обществе, органично вписывается в традицию британ-

ской сатирической прозы, идущую от Д. Свифта, Т. Смоллетта, У. Теккерея к Ивлину Во.

Список литературы

1. Ингерман Д. Модернизация с другого берега : американские интеллектуалы и романтика русского эксперимента.
Engerman D. Modernization from the other shore : American intellectuals and the romance of Russian development. – Cambridge (MA) : Harvard univ. press, 2003. – 410 p.
2. Ингрэмс Р. Маггеридж : биография.
Ingrams R. Muggeridge : a biography. – London : HarperCollins, 1996. – 288 p.
3. Как это было : дневники Малкольма Маггериджа / ред.-сост. Брайт-Холмс Д.
Like it was : the diaries of Malcolm Muggeridge / ed. by Bright-Holmes J. – London : Collins, 1981. – 560 p.
4. Маггеридж М. Зима в Москве.
Muggeridge M. Winter in Moscow. – London : Eyre and Spottiswoode, 1934. – IX, 252 p.
5. Маггеридж М. Хроники загубленного времени.
Muggeridge M. Chronicles of waste time. – London : Fontana, 1975. – Vol. 1 : The green stick. – 316 p.